

*Алексей Кара-Мурза,
д.ф.н., зав.отделом Института философии РАН*

К вопросу о «национальной идентичности» России

В наборе представлений каждого народа, в составе его общественного сознания существует смысловой сгусток, некое ядро, которое отвечает за самоопределение этого народа в истории и культуре. Это - национальное самосознание, т.е. представления народа, нации о собственной идентичности.

В рассуждениях о национальном самосознании русского (российского) народа замечено, что, с одной стороны, существуют некие константы самосознания, позволяющие нам выстраивать линию преемственности всех эпох существования России. Однако наряду с этой преемственностью имеет место другой очевидный факт - прерывистость отечественной истории. Россия по меньшей мере дважды в своей официальной истории начинала жизнь «с нуля». Первый раз - в эпоху реформ Петра Великого, который в русском официозе считался чуть ли не основоположником, родителем исторической России. Второй раз - с началом большевистского правления, когда явно или неявно предполагалось следование ключевому тезису другого основоположника - Маркса - о делении человеческой предыстории на «предысторию» и «собственно историю», начинающуюся с момента захвата пролетариатом политической власти.

Могут возразить, что подобные «скачки» в национальной истории (и, соответственно, в национальном самосознании) бывали и у других народов. Можно вспомнить, к примеру, Францию периода якобинской диктатуры, когда Робеспьер ввел культ Верховного божества и - параллельно - вообще новое летоисчисление, символически подчеркивая начало принципиально новой истории. Но ведь надо признать и то, что даже в среде коллег-радикалов Робеспьер «за глаза» признавался полусумасшедшим; его быстро скрутили и гильотинировали, и сами его историоборческие эксперименты были признаны вывихами генеральной линии.

То же самое и с гитлеровской Германией: разговоры о наступлении «тысячелетнего третьего рейха» были восприняты обществом скорее как право фюрера и его окружения немного почудить, но не проникли сколько-нибудь глубоко в толщу национального самосознания. Поэтому-то немецкой нации и удалось быстро отказаться от поверхностной новой мифологии и даже коллективно покаяться. Сейчас в Германии о тех идеях неприлично вспоминать как о серьезных тенденциях и даже фактах национального самосознания.

В России так сделать не удастся и, по-видимому, не удастся. И петровская, и большевистская эпохи неудаимы из нашей истории, как и из истории нашего сознания. Это не отклонения, а скорее некое инобытие чего-то более глубинного, реинкарнации одного и того же типа социума и его самоосмысления. Это не чудачества правителей, со временем забываемые народом, а эманации собственно народной, национальной истории.

И тут мы подходим вплотную к нашей главной теме: как же соотносятся эволюционные и революционные моменты в развитии национального самосознания? Тема эта – классическая в русской историософии двадцатого столетия. Особый вклад в ее осмысление внесли два выдающихся русских мыслителя – Николай Александрович Бердяев и Федор Августович Степун.

Что касается Бердяева, речь надо вести об очень большом корпусе историософских текстов, начиная с «Души России» (1914) и политико-философской публицистики первых послереволюционных лет – и вплоть до «Истоков и смысла русского коммунизма» и сравнительно поздней «Русской идеи». Представляется, что между этими текстами нет тех принципиальных противоречий, которые иногда усматриваются, и можно вычленить некий инвариант бердяевского взгляда на Россию, который подчас варьируется в соответствии с текущими приоритетами автора или характером аудитории.

Согласно Бердяеву, «душа» каждого исторического народа в своей сущности антиномична. В этом смысле базовая антиномия русской души –

это двуединство нигилизма (отрицания) и апокалиптики (стремления к конечному). Поэтому периодическое отрицание собственной истории и стремление к очередной «конечной правде» - это не исторические случайности, а проявления имманентностей русского национального характера. Равным образом, по Бердяеву, в самосознании каждого народа (в русском характере это предстает особенно наглядно) неразрывно сосуществуют две стороны – консервативная (для спокойных периодов эволюции) и революционная. В известной статье «Духи русской революции» (1918), написанной по свежим следам большевистского переворота, Бердяев написал: «Нелегко улавливается связь нашего настоящего с нашим прошлым... При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционный образ старой России.. Многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье... Каждый народ имеет свой стиль революционный и свой стиль консервативный... Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом... Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях...» и т.д.

Согласно Бердяеву, жесткое государственничество, с одной стороны, и анархизм, с другой, – это две стороны одного и того же русского характера. В стабильные периоды господствует охранительное государственничество, но наступает время и национальный кровоток приливает к противоположному полюсу, - и тогда наступает торжество анархизма, которое принято называть «революцией», но которое вовсе не отрицает констант национальной идентичности, а является ее, скрытой до времени, оборотной стороной.

В концепции Бердяева, чрезвычайно плодотворной и не конца оцененной, остается, однако, не вполне ясным нечто принципиально важное:

каким образом, в силу каких причин и механизмов происходит переход от стабильности (иногда – застойности) к бурной динамике, от эволюционных процессов – к революционным. Отметим дополнительно, что здесь нас интересует не весь комплекс проблематики генезиса революции как таковой, а лишь один ее (но чрезвычайно существенный) аспект – метаморфозы, а затем и радикальные изменения в общественном, национальном самосознании, смена эволюционных процессов – революционными. И здесь имеет смысл обратиться к работам еще одного крупнейшего русского мыслителя - Федора Степуна.

В ряде эмигрантских работ, написанных в межвоенный период (и прежде всего в знаменитом цикле «Мыслей о России»), Степун творчески развил бердяевскую концепцию об «оборотничестве русской души», - оборотничестве, порожденном ее (души) феноменальной «артистической даровитостью» и даже «гениальным мимизмом» (термины Степуна). «В русской душе есть целый ряд свойств, - писал, в частности, Степун, - благодаря которым она с легкостью, быть может несвойственной другим европейским народам, становится, сама иной раз того не зная, игрищем темных оборотнически-провокаторских сил».

Одной из важнейших сторон этого периодического «перерождения» национальной души Степун считал коллизии, возникающие в сфере общественного сознания – а именно, метаморфозы перерождения общественных «идей» в классовые «идеологии». Действительно, плюрализм и конкуренция «идей» - это неустранимое свойство любого цивилизованного сообщества и не только не ведет к его деструкции, но, в известном смысле, держит его в тонусе и тем самым укрепляет. Опасен механизм мутации конкурентных идей во враждующие идеологии, что чаще всего происходит в переходные эпохи. Вот главная мысль Степуна: «Пока классы - держатели старых ценностей, классы - хранители старых форм культуры и восходящие к власти новые классы борются друг с другом лишь за разные воплощения общего им духовного содержания, до тех пор революции, в точном и узком

смысле этого слова, быть не может. С момента же, в котором борьба из-за форм культуры накаляется до того, что раскалывается надвое единство национального сознания - революция уже налицо, иногда задолго до баррикад и казней».

Федор Степун достаточно подробно описывает этот процесс мутации русского национального сознания на примере спора отечественных «западников» и «самобытников» - спора сначала конструктивного и плодотворного, но со временем деградировавшего и ставшего губительным для русской культуры: «Славянофилы и западники расходятся в разные стороны. Первые окончательно выходят из рядов оппозиционно настроенной, антиправительственной общественности. Вторые окончательно отрываются от религиозных и национальных корней славянофильского мирозерцания. Результат этого двустороннего отрыва - вырождение обоих лагерей русской общественности. Вырождение свободолюбивого славянофильства Киреевского в сановнически-реакционное славянофильство Победоносцева. Вырождение верующего свободолюбия западника Герцена в лжерелигиозный героизм революционной интеллигенции».

Уверен: дальнейшее изучение теоретического наследия русской философии и политологии (в значительной мере, ставшего результатом поисков русской послереволюционной эмиграции) способно серьезно помочь современному русскому обществу достойно ответить на новые вызовы, перед которыми оказалась Россия на рубеже нового тысячелетия.